

случались деньги, онъ остался бѣдникомъ и не имѣлъ собственного угла, гдѣ бы могъ преклонить голову. Императоръ Николай Павловичъ не разъ помогалъ Гоголю; на примѣръ, онъ далъ ему пособіе въ 5.000 р. въ 1837 и слѣдующихъ годахъ, когда Гоголь работалъ надъ первымъ томомъ *Мертвыхъ Душъ* въ Римѣ, а въ 1845 году назначилъ ему трехгодовую пенсію по 1.000 р. въ годъ.

Вообще, не одинъ Гоголь, но и другіе писатели, на примѣръ, Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ, Загоскинъ, пользовались милостями Государя. Постановка *Ревизора* на сцену могла осуществиться только по волѣ его, встрѣтивъ разнообразныя препятствія, въ томъ числѣ и цензурныя.

Посѣтивъ въ послѣдній разъ свою полтавскую родину, 5 іюня 1851 года Гоголь былъ уже въ Москвѣ. Въ іюнь и въ концѣ сентября онъ прѣзжалъ къ Аксаковымъ въ подмосковное ихъ имѣніе Абрамцево, находящееся недалеко отъ Сергіевой Лавры, посѣтилъ и Хотьковъ монастырь, и самую Лавру, а затѣмъ цѣлый мѣсяцъ гостилъ у А. О. Смирновой, въ с. Спасскомъ (Бронницкаго уѣзда, Московской губ.). Съ начала же октября 1851 года до самой своей смерти (21 февраля 1852 года) Гоголь жилъ уже безвыѣздно въ Москвѣ, въ квартирѣ графа Александра Петровича Толстаго, съ которымъ сблизился еще за границей.

Домъ Талызина, на Никитскомъ бульварѣ, принадлежавшій нынѣ Натальѣ Аванасьевнѣ Шереметевнѣ, гдѣ была квартира А. П. Толстаго, — историческая московская достопамятность. Здѣсь Гоголь занимался въ послѣдніе дни своей жизни приготовленіемъ къ изданію второй части *Мертвыхъ Душъ*, семь главъ которыхъ уже были написаны; здѣсь онъ сжегъ эти главы: здѣсь то мѣсто, съ которымъ связаны воспоминанія о кончинѣ Гоголя.

Онъ любилъ Москву, у него были здѣсь близкіе друзья, принимавшіе въ немъ искреннее участіе — Аксаковы, Бодянский, Погодинъ, Хомяковъ, Шевыревъ и др., и для нихъ онъ прѣзжалъ умереть въ Москвѣ. Здоровье его было уже крайне разстроено, особенно разстроены были нервы; но по виду онъ казался довольно бодрымъ, принималъ живое участіе въ изданіи своихъ сочиненій, занимался даже съ большою энергіей корректурами. Настроеніе его духа было угнетенное; онъ читалъ *Четы-Минуты* и много молился.

II.

Незадолго до Масляной (1852 г.) посѣтилъ Гоголя О. М. Бодянский. Онъ засталъ его за корректурами и узналъ отъ него, что въ новомъ изданіи своихъ сочиненій онъ выпустилъ *Вечера на хуторѣ*.

— Какі! вскричалъ гость, вскочивъ со стула. — Вы хотите посягнуть на одно изъ самыхъ лучшихъ своихъ произведеній?

— Много въ немъ незрѣлаго, отвѣчалъ спокойно Гоголь.

Бодянский сталъ убѣждать его въ противномъ, но Гоголь на всѣ убѣжденія его отвѣтилъ:

— По смерти моей какъ хотите, такъ и распоряжайтесь.

Еще болѣе грустно настроила Гоголя смерть Еватерины Михайловны Хомяковой (26 января 1852 г.), жены поэта Хомякова, сестры Н. М. Языкова; со всѣми съ ними Гоголь находился въ самой тѣсной дружбѣ. Онъ былъ такъ пораженъ этою кончиной, что не могъ быть даже на похоронахъ Хомяковой.

— Страшна минута смерти, говорилъ онъ потомъ у Аксаковыхъ.

— Почему же страшна? спросила кто-то изъ Аксаковыхъ. — Только бы быть увѣрену въ милости Божіей къ страдающему человѣку, и тогда от-радно думать о смерти.

— Ну, объ этомъ надобно спросить тѣхъ, кто перешелъ черезъ эту минуту, отвѣчалъ Гоголь.

Мысли Гоголя обращены были уже къ иному міру, и на Масляницѣ онъ говѣлъ въ своемъ приходѣ у Симеона Столпника. Передъ принятіемъ святыхъ даровъ, за обѣдней, онъ плакъ и много плакалъ; замѣтно было, что онъ былъ такъ слабъ, что почти шатался. Вѣроятно, потому онъ и говѣлъ, не дождавшись первой недѣли поста.

Ночью на вторникъ, на первой недѣлѣ поста, Гоголь долго молился одинъ въ своей комнатѣ. Въ три часа онъ призвалъ своего мальчика, который ему прислуживалъ, и спросилъ его:

— Тепло ли въ другой половинѣ его покоевъ?

— Свѣжо, отвѣчалъ тотъ.

— Дай мнѣ плащъ, пойдемъ: мнѣ нужно тамъ распорядиться.

И онъ пошелъ со свѣчей въ рукахъ, крестясь во всякой комнатѣ, черезъ которую проходилъ. Пришедъ, велѣлъ открыть трубу, какъ можно тише, чтобы никого не разбудить, и потомъ подать изъ шкафа портфель. Когда портфель былъ принесенъ, онъ вынулъ изъ него связку тетрадей, перевязанныхъ тесемкой, положилъ ее въ печь и зажегъ свѣчей изъ своихъ рукъ. Мальчикъ, догадавшись что дѣлается, упалъ передъ нимъ на колѣни и сказалъ:

— Баринъ, что вы это? перестаньте!

— Не твое дѣло, отвѣчалъ онъ, молясь.

Мальчикъ началъ плакать и просить его. Между тѣмъ огонь погасалъ, послѣ того какъ обгорѣли углы у тетрадей. Гоголь замѣтилъ это, вынулъ связку изъ печки, развязалъ тесемку и, уложивъ листы такъ чтобы легче было приняться огню, зажегъ опять, и сѣлъ на стулъ передъ огнемъ, ожидая пока все сгоритъ и истлѣетъ. Тогда, перекрестясь, онъ воротился въ прежнюю комнату, поцѣловалъ мальчика, легъ на диванъ и заплакалъ.

— Иное надо было сжечь, сказалъ онъ, подумавъ, — а за другое помогли бы за меня Богу; но, Богъ дастъ, выздоровѣю и все поправлю.

Полуночь онъ сказалъ графу Александру Петровичу:

— Вообразите, какъ силенъ злой духъ! Я хотѣлъ сжечь бумаги давно уже на то опредѣленныя, а сжегъ главы *Мертвыхъ Душъ*, которыя хотѣлъ оставить друзьямъ на память послѣ моей смерти.

Такъ записалъ въ свой *Дневникъ* историкъ М. П. Погодинъ свой разговоръ о томъ, какъ погибли главы второй части *Мертвыхъ Душъ*. Погодинъ въ *Москвитянинѣ* описалъ и другія подробности относящіяся къ послѣднимъ днямъ жизни Гоголя. Ихъ разказала ему его теща, Елизавета Ѳомишна, единственная свидетельница кончины Гоголя. Шестъ послѣднихъ главъ въ одиннадцатой книгѣ г. Барсукова *Жизнь и труды М. П. Погодина* (1897 г.), которыми мы пользуемся для настоящей нашей статьи, представляютъ довольно полный матеріалъ для знакомства съ послѣдними днями жизни Гоголя. Собраніе писемъ друзей Гоголя по поводу его кончины, описаніе впечатлѣній на современниковъ, произведеннаго ею, похороны Гоголя и соро-

чина по немъ, въ книгѣ г. Барсукова, несомнѣнно, въ высшей степени интересны.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НИКОЛАЙ ОВСЯННИКОВЪ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ГОГОЛЯ.

I.

Послѣдніе дни своей жизни Гоголь провелъ въ Москвѣ. Послѣ своего путешествія въ Палестину въ 1848 году возвратившись въ Россію чрезъ Одессу, онъ болѣе уже не ѣздилъ за границу. Въ 1850—1851 году осень, всю зиму и часть весны Гоголь провелъ въ Одессѣ. Климатъ Одессы показался ему мало чѣмъ лучше московскаго. Такъ писалъ онъ къ А. О. Смирновой; а по словамъ другаго своего знакомаго, А. С. Стурдзы, жившаго въ то время тоже въ Одессѣ, умѣренная зима встрѣтила Гоголя ласково и покойно.

Въ одесскомъ больномъ свѣтѣ Гоголь не бывалъ, вѣжливо уклоняясь отъ приглашеній. Онъ жилъ въ домѣ князя Р. Послѣ Пасхи Гоголь оставилъ Одессу и провелъ весну въ родовомъ своемъ имѣніи Васильевкѣ, которое въ то время уже не принадлежало ему: извѣстно, что онъ давно уже отказался отъ принадлежавшей ему части имѣнія въ пользу сестеръ. Гоголь не имѣлъ никакого состоянія; въ Одессѣ и въ послѣдніе мѣсяцы своей московской жизни онъ жилъ у друзей; помогая самъ бѣднымъ, когда